

КАЛИНИНГРАДСКАЯ РАБОЧАЯ ГРУППА "93 IN 39"
КЛУБ ПОЭЗИИ И АВТОРСКОЙ ПЕСНИ "АДЕЛАИДА"
И БРАТСТВО ПО ВОДЕ (АЛЬТЕРЫ ПАЛАНГАМЕНЫ)

ПРЕДСТАВЛЯЮТ

А

В

Д

Ж

И

Р

А

М

Е

И

А

Л И Т Е Р А Т У Р Н Ы Й

А Л Ь М А Н А Х

Н А Р О Д А З В Е З Д Ы

ВЫП. 21. ЁЖЖ

ЖИВА

ЖИНКО КСЕНИЯ

ЗЕРКАЛИНА

ЗИЛОТ

ЗУНД АСТЕР

Литературный альманах Народа Звезды

ДАДАНГАМЕНА

Вып. 21.

*Антология материалов 2002-2006 года
с корректурой и добавлениями.*

*Копирование и распространение всего журнала и его отдельных материалов
разрешено и приветствуется при условии ссылки на автора материала
и указания электронного адреса журнала (<http://apokrif93.a-z-o-t.com>).*

Сopyright:

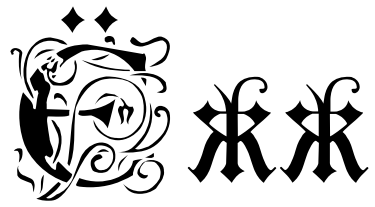
- © Клуб поэзии и авторской песни
«Аделаида», 2002-2006;
- © Братство по Воде, 2002-2006;
- © Калининградская рабочая группа
«93 in 39», 2012;

а также авторы журнала:

Ёжж
Жива
Жинко Ксения
Зеркалина
Зилот
Зунд Астер

Жива
(рисунок на обложке)

Редактор, корректор, верстальщик:
Fr. Nyarlathotep Otis.
236000 Калининград,
ул. Нарвская 17, 11.
<http://alther.narod.ru>
<http://apokrif93.a-z-o-t.com>
E-mail: 93in39@gmail.com

Белые облака на чёрном небе

Она посмотрела на белые облака и подумала: «Белые облака. Белые. Ни одного оттенка голубого». Затем Она взглянула на женщину, сидящую в кресле, и окликнула её:

— Мама, почему ты не видишь, что небо — чёрное?

Седая женщина лет сорока пяти очнулась, словно только что пробудилась. «Боже, — подумала она, взглянув на дочь, — за что мне это?! Почему она не такая, как все?» Минуту она думала о том, что ответить дочке, и вдруг как будто озверела:

— Не вижу!!! — крикнула женщина. — Потому что я — нормальная! Да! А ты никак не хочешь поверить в реальность! Выйди из дома, нет, просто посмотри в окно! Ты должна, ты обязана видеть Голубые облака, Синее небо, Зелёные деревья! Очнись! Слышишь? Очнись!!!

Девушка подошла к окну.

— Деревья?.. Какие деревья? Ты имеешь в виду эти палки, совершенно попусту торчащие из земли?

— Зачем ты мучаешь меня?! Ты и меня хочешь довести?!

— Я не мучаю тебя, — совершенно невинно пробормотала дочь. — Ты сама меня учила говорить правду, то, что ты видишь. А я вижу чёрно-белый мир, катящийся в пропасть, спотыкающийся о кочки. А кочки — это вы! Люди, не признающие правду... Сними очки, мать!..

— Это не я в очках! Это ты в очках! Сними свои чёрно-белые очки! Ты увидишь, что жизнь — прекрасна! Я же вижу цвета, разные цвета!..

— Но почему я их не вижу?!

Мать закрыла глаза и беззвучно заплакала. Она думала, что, может быть, надо подыграть дочери, хоть на миг поверить в тот мир, который Она видит... Но что-то внутри упрямо настаивало на своём.

Она посмотрела в окно и увидела, как непроглядная тьма окутывает землю...

Одинокое солнце

...Он вышел из опустевшей комнаты и прошёл в коридор. Там было пусто. Он вышел из квартиры и остановился на лестничной площадке. Ни звука не донеслось из-за соседних дверей.

Он вышел на улицу. Тихо и одиноко. Он прошёл к песочнице. Пусто и уныло.

Он поднял голову и увидел в небе одинокое солнце...

...Он вышел из трамвая и завернул за ближайший угол. Вдруг раздался взрыв... «Десятый», — подумал он и вступил на пешеходный переход. За его спиной два автомобиля врезались друг в друга. Он не обернулся. Он слышал этот звук уже седьмой раз за день, двадцатый раз за неделю, сотый за месяц...

— ...Не могли бы вы помочь перейти дорогу, молодой человек? — спросила его подслеповатая старушка. Он молча взял её под руку и повёл на дорогу. Дойдя до середины, он увидел нужный ему автобус. «Следующий придёт через полчаса. Я не успею», — подумал он и, резко отпустив руку старушки, побежал к остановке. Сзади донёсся звук тормозящей машины и предсмертный крик.

Он сел в автобус.

Он увидел юношу ещё из автобуса. Он вышел и подошёл к нему:

— Привет. Давно ждёшь?

— Да нет. Вот книги, — он показал большой пакет. — Отнесёшь их моей сестре? Мне что-то плохо с сердцем.

— Отнесу.

Молча пожав юноше руку, он пошёл к телефонной будке. Набрав номер скорой помощи, он сказал: «Тут человек умер на остановке №...» Повесив трубку, он пошёл дальше.

Зайдя в парк, он сел на ближайшую скамейку. Недалеко играли дети. Он достал книги из пакета. Пролистав их, он сунул их обратно. Посмотрев на солнце и на играющих детей, он встал, оставив пакет на скамейке. Постояв немного, он пошёл дальше. Один из детей заметил что-то на скамье.

— Смотрите! Там что-то лежит! Пойдём посмотрим!

Все играющие окружили скамью. Одна любопытная девочка дотронулась до пакета... Он услышал знакомый грохот сзади...

...Он снова ехал в автобусе. Он ехал к морю.

На пляже было многолюдно. Погода была прекрасная. Солнце светило ярко. И только одно облачко плыло по небу. Но тут оно закрыло солнце. Он пришёл на пляж.

Недолго думая, он направился к воде. Посмотрев на купающихся, он ступил на воду. Не внимая удивлённым возгласам, он шёл дальше. Вдруг кто-то дёрнул его за ногу и скрылся. Стоящий на воде удержался и гневно оглянулся. В то же мгновение поднялся сильный ветер и волны увеличились в три раза. Послышались крики тонущих и испуганные возгласы смотрящих. Тут одна волна возвысилась до самых небес и обрушилась на пляж, потопив его.

Он был уже далеко.

...Он включил радио. По приёмнику шли новости. Нервный голос ведущего говорил: «Последняя пирамида разрушилась пятнадцать минут назад; Эйфелева башня обрушилась на Париж полчаса назад; голова Статуи Свободы свалилась в воду. Непонятно, какая дьявольская сила всё это делает. Следующий выпуск новостей будет через...» —

...Голос прервался, радио взорвалось.

Он спрыгнул с вершины Биг Бэна в воду и пошёл вперёд. Дойдя до Тибета, он присел на гору и закрыл голову руками. Внизу бурлила вода. Начался ливень. Подножья гор разрушались от огромных потоков вод. Он плакал...

...Перестав плакать, он увидел, что буря кончилась. Кругом на многие километры лежала пустая местность, и кое-где были небольшие лужицы. Местность была почти без гор, только одна осталась. На ней он и сидел. Он смотрел на небо. Вдруг он спрыгнул с отчаянным криком вниз и пнул подножие горы. Она раскололась и рухнула. Где-то река вышла из берегов, где-то упало дерево, где-то камушек придавил муравья.

Он закричал, глядя в Небо: «Отец! Отец, зачем?! Зачем Ты выбрал меня?! Я умираю, умирает жизнь!!! Зачем?!»

Он рухнул замертво. Земля вздрогнула и успокоилась...

«Встань», — сказал Голос. Он встал и вздохнул.

«Иди и твори», — сказал Голос. Он пошёл вперёд, и за его спиной вырастали деревья, появлялись животные, цвели цветы, вырастали горы.

А он шёл, не оглядываясь, шёл по дороге в Небо...

Рождённый летать

...Джим окинул собрание грустным взглядом, посмотрел в закрытое окно и начал рассказывать:

— Был гололёд, и я шёл, глядя себя под ноги. Вы спросите, почему? А вы пробовали когда-нибудь идти по льду, не глядя под ноги? Я думаю, нет. Ведь вы поскользнётесь. Вот и я смотрел вниз. И вдруг я взглянул на небо...

— Зачем?.. — прервал его мужчина в наглаженном костюме. — Ведь вы не хотели упасть. Зачем вы подняли голову?

— Я встряхнул головой — хотел поправить причёску — и увидел небо. А на нём... — Джим прервался, бросив мечтательный взгляд в сторону окна, словно желая увидеть там то, о чём рассказывал. Но увидел лишь два жирных пятна на занавеске. Омрачённый, он продолжил: — А на нём были звёзды. Они светили так, что хотелось к ним притронуться... и я полетел к ним.

— Просто взял и полетел? — недоверчиво спросил человек в костюме.

— Да. Взял и полетел.

— Вам не кажется, что вы несёте чепуху?! Люди не могут летать.

— Но я же летал!

— Люди сотни лет ходят по земле, смотрят на небо, но ни одному ещё не удавалось полететь.

— А вы уверены, что они действительно смотрят на небо и видят его? На протяжении многих лет люди, не задумываясь, смотрят вверх. Сейчас никому и в голову не придёт любоваться звёздами.

— Значит, вы полагаете, что надо просто взглянуть в звёзды — и полететь? — подал голос стоящий возле двери паренёк.

— Да.

— А вы знаете, кто такой Ньютон?

Джентльмен в кресле поднял голову и механическим голосом произнёс:

— Исаак Ньютон. Родился в 1643 году. Прожил 84 года. Вследствие падения на него яблока придумал закон гравитации, объясняющий, почему люди не летают, а ходят по земле.

— Это вам ни о чём не говорит? — продолжал молодой человек.

Джим смотрел в потолок.

— Вы хотите опровергнуть закон, придуманный ещё в XVII веке? — язвительно поинтересовался мужчина в костюме.

Джим продолжал разглядывать крохотную трещинку в потолке, словно ища в ней ответ.

— Да, — наконец, твёрдо проговорил он.

Вновь комнату затопило напряжённое молчание.

— Это какая-то чепуха, — нервно хихикнул паренёк. — Мы собрались здесь, чтобы узнать, как вам удалось полететь. Мы думали, что вы покажете какой-нибудь механизм, какое-нибудь приспособление, а вы стоите тут перед нами и несёте полнейшую белиберду!

Мужчина в костюме поднялся и сурово произнёс:

— Заседание окончено. Дело закрыто. Вывод из сегодняшнего разговора — очевиден: человек, увы, всё ещё не способен летать.

Джим равнодушно передёрнул плечами и вылетел в раскрытое окно.

Kuba

1

Вот и пришло признание — изгнанием
— из дома,
Того — возле философа N,
где всё неприятно знакомо.
Вот и на улице: август
Сумерки, ветер, фонарь —
Мне не назначена ни одна встреча —
ну, пусть не назначена...
Всё-таки Жаль.

2

Жаль... жалею о сбывшемся
Пуще, чем о небывалом,
Надо родиться мне в Средневековье —
Была бы тогда коновалом...
Жаль..., тебя рядом нет
— и — не было
Только кошачьих зелёных глазищ свет,
На окне — силуэт
— в профиль.
Твой среди чужих черт... Чёрт...
Чёрт... его... знает...
Чёрт только знает тебя,
Он, Мефистофель...

3

Вот бы призвать... бесполезно
Под приворотами людям не жить
Нежить...
Брезжит
Из-под дверей тонкий света пучок...
Он преломляется в линзах.
Этот птичий зрачок мой сужается
И превращается, превращаюсь я
В птицу...
Из стаи тех, белых,
Что над твоим морем,
над твоим домом,
На твоих окнах разбившихся.
А ты и не знал обо мне...
Хочешь, спорим!

4

Спор — конфликт, столкновение,
 Всё же контакт...
 Где мы, скажи, в свободном полёте
 Или — всё же — в — падении, мысли крушение
 Ниже... ниже... ниже...
 Знаешь, падавший ниже нижнего дна
 Легче к вершинам небес проберётся,
 Он знает ходы туда.
 Мне ли за ним?
 Столько и силы во мне не найдётся,
 Столько таланта...
 Мне — лишь за ним.

5

Бред... Я у двери стою.
 Я стою... в размышлениях — ноги увязли,
 Мушинных крыл шелестение...
 Был бы паук в этом доме...
 Тук-тук — может, хоть здесь не прогонят...
 Наивно... и здесь мне отказ —
 Возьмите хоть кто-нибудь раз!

6

Люди, нелюди!! Зачем вам души
 Чтобы закрыть их от путников одиноких?!
 Только толпой к вам?
 Послушай хоть ты, Солнцеокий!
 Напрасно... Ты же не слышишь,
 Да и не слушал меня никогда!
 Выслушай, ты с идеальнейшим слухом
 Меня вдруг не слышишь?..
 Хоть обернись на меня...
 Ну почему же, ко мне безответствуя,
 Во мне слишком много тебя.
 Чуть-чуть ещё и хлынет через край...
 Ради Солнца, тебя, даже дьявола,
 Только не забирай —
 у меня —
 тебя...
 Я же не выживу
 Знал же сам меня, эту Живу.
 Всё отдано — всё для тебя,
 Для других, а себе — ничего
 НИ-ЧЕ-ГО
 НИ-ЧЕ-ГО

Продано ни за что,
Продано прочь,
Отдано — в ночь.

7

Ночь... верёвка... сосна
Чья-то дьявольски красивая рука приглашает:
— И не чаешь: выхода нет.
Становись, легче станет.
Нет! Сосна прочь,
Ночь — прочь!
Заклинаю!
Заклинаю себя: нынче в петлю — не я,
Ты ведь жив сейчас где-то,
Так и я пока буду жива...
Значит вместе... пока...

8

Я ползу по песку,
За твоими следами, исчезающими...
Издыхая, вдыхая, выдыхая,
Повторяя извечные нормы своего поведения.
Не оставь меня в моём повторении,
Ты и сам повторяешься, знаешь...

9

Дыхание моё, ты — дыхание
Моё последнее, вот тебе,
Вот — к тебе сердце моё вырванное,
Тобой спалённое
Стань же теперь шаром Солнца!
Опали же меня жаром,
Кожу мне обожги,
Ресницы мои спали!
Крылья мои — всё спали!!!
Только лучи свои не мимо меня,
Только не мимо меня!
Только не мимо, не равнодушие...
Я ведь немного прошу,
Даже не ласки...
Просто... взгляни на меня...

* * *

№1

Из утреннего влажного тумана,
Из километров линий передачи,
Из осени и холода приходит
Живой и тёплый голос человека.

И только слово, в незнакомых красках
Издаലെка рисующее радость,
Согреет то, что называют сердцем,
Что потерялось в груди тёплых тряпок.

Что было залито горячим сладким чаем
И горьким соком умершей полыни,
И чьими-то руками взято было,
Но от того сильнее коченело.

Всю благодарность не распишешь,
Только это —
Сильнее беса, что меня попутал,
Светлее радуги октябрьского утра
И глубже водоёмов одиночеств.

№2

И не сумеешь расстегнуть рубашку
Отвыкшими пальцами, не нащупав
Пуговиц тонкий и длинный ряд.

Просто порвать, разомкнув запреты,
И чувство вины утопить в ладонях,
И подавиться солёным страхом.

Наедине оставаясь с ветром,
Чувствовать только тепло дыханий,
Прикосновения ледяные.

Не удивиться, одной оставшись
С бисером на зацелованной шее,
С тихой обидой, молчаний полной,
С памятью, сладко убившей совесть.

20 апреля 2004

Брусчатка и узкие улочки,
Мы в ногу шагаем. Жара.
Хочу говорить то, что думаю,
Но нервно ломаю слова.

Я мечтаю взять тебя за руку,
Но боюсь чего-то в себе.
Смущаясь собственной слабости,
Скрываю тягу к тебе.

*

Всегда тяжело быть привязанным
К тому, кто не станет своим.
Отдать всё за чьё-то спасение,
Зная, что сам ты неизлечим.

* * *

Август всегда наступает с лёгким привкусом грусти.
В воздухе пахнет рябиной, в воздухе к осени пусто.

Где посинела вода, там застудились ключи,
Август, остыла и я. Сядь же со мной, помолчим...

Август. И краской листвы, треском костра и ветвей,
Птицами, пляской созвездий, дымом тревог, ржой полей,

Говором ветра с водою, шелестом листьев с дерев,
Август, запомнись мне новым, сядь, подели со мной хлеб.

* * *

*Я не сумела быть Луной,
Так дайте шанс — я буду солнцем.*

Август, А-В-грусть, а вдруг всё сбудется.
День будет счастьем преполнен,
А днём — на него жизнь моя-то и трудится.
Зелено будет в округе, и вот,
Солнце, как апельсин, мне на ладони вдруг упадёт.
Его поделить на весь мир.
Солнцем наполнить должно мне всё:
Дождь, взгляды, улыбки и речи.
В солнце теперь толкотня, суета,
В солнце теперь привокзальные встречи.
Всё наполняет Его красота.
Солнце в ладонях — пылающий дар,
Дарёно, как бы судьбой,
В августе в день с пожеланиями
Разыскать в себе солнечный жар,
Выбрать свечение миру своею стезей.

* * *

А мне приснился мокрый город,
В нём люди и созвездья Льва.
И было там, как в сказке, тихо...
Шумела лишь в дворах трава.

Мой город поднимает ворот,
Он жмётся по ночам к огню,
Бойтся, что наступит холод,
Бойтся вдруг сказать «люблю».

* * *

...А мокрые крыши летели в небо,
пытаясь вспомнить прежнюю свободу.
Земля стонала и опять рвалась,
разбилась в капли в небесах с разгону...

* * *

Блюзы осенней Прибалтики. Стоны и выкрики чаек,
Где рассветы с закатами слились в настой цвета чая.
Разливай его в чашки и блюда в окрестностях Кранца.
В череде этих струй я и сам становлюсь нескончаем.

Я здесь только проездом — безбилетник плацкартных вагонов,
Вечный странник, дурак, потонувший в объятьях перронов,
Даже стоя теперь на платформе железнодорожного моря,
Бесконечно далёк от того, что однажды назвалось тобою.

* * *

Больно терять друзей по одному
В мае расстались врагами
Шум утекающих вод
Заглушал стон отцов, притупляя жгучих ран ощущение

Вариация «М»

Мера мира.
Мир метели.
Можно медлить,
Мой морозный...
Месяц мокрого метанья.
Мизгири в углах засели,
Муравьи забрались в улей.
Мыши маленького счастья.

* * *

*свобода в гармонии со стихиями
едва ли достижима при жизни*

Ветер снял наговоры врагов,
Огонь изжёт тело вечных оков,
Напоила вода сетью ливней, водой живой,
А земля приняла, будто сына домой.

* * *

*Чувство жажды преодолеть не в силах,
Умираю на берегу каменной реки...*

А. Герман

В золото-карие гари кань.
Дань
Камню отдай.
Или камень на камень брось.
Выцветших роз
Кинь букет на паркет.
И рассмейся.

Смейся, ты смелый.
Смейся, рыдая
Над собой.
Ибо я недостойна
Того,
Чтобы плакать над моим камнем
Могильным.

Если я доживу до тебя,
То не забуду дня,
Когда
Я была только звуком,
Охрипшего горла,
Чужой фальшивой струны,
Когда я позволяла
Называть меня «Ты».

Местоимения.
Вместо имени
Дан
Дар.

Ран, незализанных,
Призмами
Видеть и нежность, и боль.
Боль для меня — алкоголь,
Ибо так же пьянит,
Как и то, что горит.

Под ладонью горит плечо.
Я брошу земли ещё,
Чтобы себя загасить.

Не в силах я
Что-либо просить у воды.

Ибо вода —
Это стихия тебя.

Между нами теперь не река,
А берега.
Ибо мы — две реки.
Только тебе бежать в гору,
А мне к мёртвому морю,
К Эвксинскому Понту.

Красного вечера пламя
Не разжигает пожара
В каменном сердце.
Южного ветра дыханью
Не растопить
Этой воды
В каменной реке.

Я от жажды умру
Возле этого камня,
Но позволь мне после
Быть погребённой под ним...

* * *

Ольге Яковлевой

Вылечить невзгоды шоколадом,
Обработать раны старым йодом,
«На потом» отставить все заботы,
Перепрыгнуть и забыть проблемы.

Возвращению надежды не оставить,
Рассмотреть всё вновь и посмеяться.
Ощутить себя впервые сверхсвободной,
Оказаться с крыльями и в небе.

Голосом округу переправить,
Знать свою всеизменяющую силу,
Изменить себя, мир следом,
Опровергнуть старые устои
И проснуться в первый раз счастливой.

* * *

Греть грех гладких, голых, глупых детишек.
Дать доброте дневного душевного детства
Зелёного зрелого, только не злобного — звёздного...
Ярко-явного, ясного и ядовитого света
Солнца солдатского, самого сильного стёклами
Резать ручки рисованных рисинок — бусинок,
Бабочек. Будущих девочек... «деточек»... дурочек.

**Два имени,
или
Стихи влюблённого человека**

Имя твоё — шесть новых букв,
Начало имени — как прародитель всех Богов,
Тех светлых, сотворивших всё, что видишь здесь.
Из тех же, Светлых, и твоя душа,
Испорчено, конечно, мутью быта тело,
Сам знаешь, что всего глупей судить тебя по всем твоим порокам.

И потому мои шаги к не подсудимому ещё несмелы.
Куда как проще подходить к преступному и быть с ним до конца:
До казни, эшафота, потом же всё — опять МОЯ свобода.

Но всё равно пред светлостью твоей я преклонить смогу колени
И ног твоих, израненных, коснусь губами и омою, грех снимая,
Я не Мария Магдалина, лишь такое имя
Я ношу.

Декабрьское

Люди верят в воскрешение года,
В белую зиму свернула погода,
Лица какого-то общего рода
Мимо идут по бульварам и скверам.

В сизой Европе возможны лишь сказки:
Родина Гофмана. Дети, салазки,
Чувство преддверия скорой развязки.
Пальцы устали строчить поздравленья.

Крёстный — волшебник, из белого плюша
Ангела сделал — на ёлку игрушка,
Мягкий и тёплый, а волосы — стружки.
Вкусная повесть про юную леди.

* * *

Долог путь сквозь миры, года, столетья.
Тяжек путь по дорогам в лихолетье.
За звездой нам светившей, да не гревшей,
Вслед за той, не святой, но и безгрешной.

Ждал луча, возвращающего к дому,
Да поймал только новые оковы.
Сердце рвал на куски, срывался болью,
Лишь закрыл очи яростью и кровью.

Уходил, сам себе настроив козней,
А упал, опалённый чьей-то злостью,
Разбивал все надежды и сомненья,
Не солгал, хоть и сам не впал в забвенье.

Кто-то очень долго ждал
Возле дома на пороге.
Не слышать его коней,
Не связать в едином все дороги.

Дорога

Иллюзия да дорога — этап да непройденный путь.
Великого мёртвого Бога не жди, или даже забудь.
Ровней чудеса равновесий и чище замёрзший ковыль,
Мы вовсе не дети созвездий. Скорее, дорожная быль.

Холодной рекою асфальта бежит расстояние лет.
И жизнь — бесконечное сальто сквозь яркие искры комет.
Кометы и звёзды бродягам неверные в ночь маяки.
Небес непонятная тяга, сожжённые Солнцем стихи.

Дышать — это тоже что-то значит

Так умирает в груди, не дойдя до гортани — вздох.
Так бежишь, не чувствуя между землёй и телом ног.
Так слетаешь с разбегу с обрыва в душистый лог,
Так, весною дыша, замечаешь: в тебе-то Бог.

Так всегда замираешь, видя твой начертанный знак,
Оттого и навеки веков заклинаешь: Да будет Так!
Ибо так понимаешь: назначение нашего «Жить»
Состоит в исполнении древнего права Любить.

* * *

Завтра солнце встанет всё так же,
как много столетий вставало не раз,
И так же увидят больную планету,
согретую только теплом своих глаз.
Но этих, проснувшихся, как и положено,
только лишь двое, способных к спасенью,
Лишь двое отважных,
бредущих по свету к Всемильному древу.

* * *

Звук долетает до органов лишь искажённым.
Язвы и лепра... я вновь становлюсь прокажённым.
Чёрная старость зеркал, серебро поколений.
Личность разрушена камнем. Опять повторенье.

Тысячи тысяч зеркал — отражение, луны.
Женщиной тёмного лика начертаны руны.
Слово — проклятие чувства прошедшего времени,
Стрелки умерших часов продолжают движения.

Гладь темноты и стекла — декорации вечности,
«Я потеряла тебя в полосах бесконечности».
Тонкие нити любви через лёд разделения...
Белая женщина, серп, пустоты изменения...

* * *

Здравствуй, я с лучами солнца
В комнату влечу, как ветер,
Закружусь я в огнетанце с полевым своим букетом.
А потом его с напевом положу на подоконник.

Я тебя будить не стану:
Поцелую лишь тихонько.
И исчезну, ветер-странник.

Имя назвать

То ли стрелой отравленной меня поразить,
То ли бисером в чёрной траве растерять,
В воду ли тёмную кинуть горсть медных монет,
Ветром ли северным имя твоё назвать.

Тропами верными вывести сквозь ночь и преграды,
Долгим ли вечером августа звёзды по небу рассыпать,
Звонким ли треском осиновым петли пути расплавить,
Тихим ли листьев шёпотом имя твоё назвать.

Грезить ли в копоть темени, время и сил не считая,
Чуть ли правду зыбкую, мерить ли счастье вёрстами,
По холмам, по роцам дорогою, красить ли землю вёснами,
Стуком дождя по порогу имя твоё назвать.

В чистое небо глядучи, света белого не увидеть,
На путей перекрёстах боль до доньшка выпить,
Птицей ли выпустить солнышко ясное,
Словом ли трепетным имя твоё назвать.

Свежим ли утром сентябрьским поле умыть слезами,
Тёмной ли страха долгостью ладони наполнить,
Безысходной отвагой идущего вызов Доли принять.
В крике последнем, измученном, имя твоё назвать.

* * *

Каждый чувствует мир по-своему,
У каждого взгляды свои и мнения,
Каждый желает быть в мире особенным,
В мире, где все... Повтори: мы из поколения
В поколение

Повторяемся жестами, фразами,
Колкими, едкими, где-то жестокими.
Мы наслаждаемся болью, заразами
Просто друзей; именуя истоками
То, что в историю пишется.

Воспоминанья для нас слишком бледная
Память о прошлом, оставшемся с нами.
Мы приходим восходом над медною
Пылью оплаканной с выжженными садами
Землёю.

Твёрдой, бетонной, негибкой строкой
Мы создаём подобие творчества.
При столкновении в мире с Истиной роковой,
Наши творенья погибнут, не став пророчеством
Для миллионов.

Те, кто творили до нас, стали мелочью
Поставлены на полки в музеях истории,
Их шедевры забрызганы едкой щелочью
Наших рецензий, как в крематорий их
Живыми отправили.

Мы — вырождения? Или надежда уже уходящих
В сад занебесный, грозная сила
Против тех, прицельно смотрящих
На этот мир через стёкла.

* * *

Камни мокрого города.
По ним стук моих башмаков.
Небо, разбитое гроздьями
Неспящих ещё облаков.

Стук сердца, резко изменчивый,
Земля под ногами гудит.
Взгляд не суровый, доверчивый,
Тёплую встречу сулит.

Шпили промокшего города:
Небо в проёме окна.
Танцы ветров заколдованных.
Звёздами чашка полна.

Двери молчат беспетельные,
Ключ, затерявшийся свет.
Звёздная даль запредельная,
Но лестницы в небо здесь нет.

* * *

Когда наступает на тень чья-то лапа,
Так хочется выть от жуткой боли.
Потеря части себя едва ли приятней потери собственной воли.

А тот, кто покупает наши тени,
Поверь мне, знает куда больше, чем Конфуций,
И обладает армией не меньше Золотой Орды.

Когда он выступит в поход,
Мы распадёмся на осколки грузных тел,
И мир не будет создан из материй, он станет только тень от тени их.

Побереги же тень свою,
Заставь её не стать чужой рабою,
Когда ты сам уйдёшь, она здесь будет за тебя стараться.

* * *

Мне если смотреть, то в глаза или вдаль,
А если шагать, только сразу за край.
А если любить, то душой — не умом,
Чтоб после жалеть не о снах — о былом.

Я в ладонях храню либо лёд, либо жар.
Свет не продан души — отдаю только в дар.
О дорогах сужу по мозолям своим.
Коли свечку зажечь, знаю точно — сторим.

Буду книгу листать — зачитаю до дыр,
Буду к звёздам летать — удивляю целый мир.
Выше планки скакать — на роду суждено,
Только всю жизнь понять — вот одно не дано.

* * *

За деньги можно купить всё

Молчание — золото, а в деньгах скрыта смерть.
Бессмертие хранится в ожидании, пока я жду, я вечна.
Вот шаги, и в них я слышу, что девица-смерть по-прежнему бодра,
Монет её размеренною чёткостью заплачено за право не уметь

Платить за жизнь такую бессловесной твари,
не поющей птицы и других молчащих.

Взять деньги стоит лишь за смерть назвавших все слова, которые рвались
Огнём и ветром с языков, из глоток, пастей тех, на врагов рычавших,
И голов своих не доносивших в боях за слово, вечность, гордость павших.

Их Сила сохранилась в Слове, что не подвластно смерти,
Его звучание способно отогреть от вечных ледников вершины древних гор.
Его назвавший сам подобен скалам, что хранили тайны золота и меди,
Но отпустили их из чьих-то тайников и превратили в звонкий сор.

Звучание катящихся монет способно погубить не только графа-скрягу,
Тебя, столь юного и проявившего во всём не трусость, но отвагу,
Оно уже сгубило и заставило молчать.
Напрасно я платила своей болью и правами за жизнь твою.

На изменение себя

И высчитав все мелочи до мелочности,
Из типов «Инь» и «Ян» сложить свою двоичность,
Понять структуру изначальной целостности.

Из коликов составив колокольню
Для звона по окраинам и мыслям,
Почувствовать себя свободным в боли,
Свободным для понятий, рифм и чисел.

Программу, установленную свыше — стереть,
Как будто чей-то злобный вирус, пропущенный сквозь мозг,
Помог очистить диск от слова «Смерть»,
И слов: надежда, милость... Почувствовать, как будто сотни розг

По нервным окончаниям гуляют, будто дождь
Всё наново перемывает в прежнем теле,
И вот оно освободилось и сквозь дрожь,
Родилось новым, непохожим, ошалелым

В своём спокойствии за завтрашнее «Нет»
Друзьям, проблемам, виснувшим на шее,
В сознании того, что всё — не бред,
Не плод фантазии или больной идеи.

Свобода. Нет ничего: ни капельки воды, ни океана.
Не тянет вниз свой хвост — нитка (сущность — тело),
Полёты точкой (суть — мишень для пули) по экрану,
Полёты вниз и ввысь — шаги вперёд, так смело...

Шаги с обрыва, с края крыши и с ума
Схождение — полёт внезапного абсурда,
Раздвоенность души, почувствовав весьма,
Понять всю прелесть демонстрации аллюров:

Вот шаг, вот рысь, я вот — галоп..
Смотрите, я здесь мчусь, а тут — гарцую!
Красивость — наперво себе, другим — копытом в лоб
Удар за прежнее; умрите же, танцуя,

В моём мозгу чудесные виденья:
Струи энергии, пульсации тепла, реальных лиц,
Сливайтесь все в одно моё стремленье
Уйти из стаи белых среди чёрных птиц.

Очиститься от белого налёта были на пере
Очиститься сквозь боль и просветленье,
Стать человеком в толпах не людей в поре
Великой мудрости (читай: суть — несвобода).

Наследница

Через тихих друзей и молчащие старые клёны
Пробираться в тумане на вечнозвующий зелёный,
На манящий звонками трамвайными Остров,
Где в сетях проводов запуталась осень.

Светофоры, сигналы, дорожные знаки, объезды,
Не колодцы-дворы, вместо Солнца здесь светят подъезды,
Вместо воздуха — дым проходящих под утро маршруток,
Здесь прохожий, как зверь, направляет свой шаг в промежуток

Между линий просоленных зданий и мусорных баков,
Между вечностью дна и безвременьем крышки собаки
Проползают на брюхе к искрящейся двери в лето,
Исчезая в пути в фарах дальнего, жёлтого света.

На обочинах здесь неприятно сознание веры,
Неприятно до слёз и не принято нормой, и меры
Не нашлось, чтоб измерить бестактность попыток
Достучаться до неба, что так же туманом покрыто.

Затуманенный век, ускользающий в прошлое ниткой
От воздушных шаров, точно в небо, увы, без улыбок
Многочисленных лиц, наблюдавших небесную проседь,
Затуманенный век оставляет наследницей осень...

Не стесняйся принять бескорыстную пёсью любовь,
Пусть ошпарен он кем-то и сильно простужен,
Он, как ты в своё время, кидается вновь
Искать кого-то, кому он хоть чуточку нужен.

Для тебя его верность без страха и сплетен,
Для тебя его мягкость и дружба.
Всё отдаст, чтоб взгляд твой был бы снова светел:
Вот и в этом вся собачья служба.

Не гони от себя в подворотни дождя —
Всё равно не получится толком:
Выгоняешь из дома ручного здесь пса,
Там он вмиг научится быть диким волком.

Недоверчиво, всё же без злобы смотреть
Будет долго, поодаль усевшись,
Только вскоре уйдёт на мороз, не стерпев
Невниманья, у огня твоего не обогревшись.

Нетопырём к тебе лететь,
или белой птицей над водой.
Что зависит от меня,
то никогда не будет на двоих с тобой.
На двоих у нас и так одно поле, один крест,
один вечер да семь вёрст до небес.

Но будет ветер над водой,
будешь ты звездой ночной,
Буду я к тебе лететь,
песни солнца буду петь.
Жди, а пока...

Не держи меня за крылья,
не остаюсь мне насильно,
здесь я лишний.
Улечу в бескрайность ночи,
там не ищут в жизнях точек,
не играют на страстях
Человеческого сердца,
окунаясь в бесконечность этой бездны
и заигрывая с тенью.

На закате отгорают шар ошпаренного солнца,
Я не в темень улетаю, а от света лишь в оконце
Вашего.

Она далеко не вечна, эта женщина в подвенечном
Платье пепельном, бальном
Трепетным, театральным жестом ограждает вечность от себя
В маскараде
Маска — раде, Маске — рада, Маску надо!
Надо и мне Маску! Я тоже хочу этой ласки!
Дайте, дайте мне Маску!
Я тоже хочу в это море,
Где соль и туман на просторе, и палуба скользка от ветра,
Где тонкие руки её грубее сетей рыбака с Беломорья
Сплетают узел судьбы.

Туго, крепко — её хрупкие пальцы сильны и цепки.
Мелко-мелко, крепко-крепко, не развяжешь.
И соль ветра — на глаза, и в чашу.
— Выпьешь, слышишь? Шумит море.
— Слышу! Я тоже хочу такой узел!
Я тоже хочу в это море! Я тоже хочу эту чашу!
— Не стоит, не слушай, не ваше...

Эта женщина в платье новом, чёрном.
Чёр-ном, чёр-ту, к чёрту!! К чёрту платье, оно всё в заплатках!
В заплатках. Залатано. За-пла-ка-но!
Заплакано лицо, а где же маска?
Маска бархатная, морская, силы?
Что за маска? Какое море? Какая Сила?
Она теперь бессильна и совсем не вечна...
Эта женщина в бес-ко-неч-ном, в бес-ко-неч-ность...
Она — сама бесконечность... Как многим я обязан ей.

**Осколки,
или
Воспоминания о Кае**

Поворот вашей тени так изгибисто чёрен.
На минуту закроет окно пустоты.
Вместе мы прорастим ещё тысячи зёрен,
Чувств, касаний и мыслей, но так и не станем на «ТЫ».

Лишь осколки мгновений из всяких осколков,
Ступни босы не ранят, если вдруг наступить...
Жили в общей толпе — нам, ИНЫМ, не сбежать перетолков,
Но, их слыша и зная, умудрялись любить.

Наших общих мгновений, непростительно кратких,
В ваше сердце осколки попали едва ль,
Но вы чувствуете тоже ИНАЧЕ: я вижу. Украдкой
Если смотрю на вас, мой восторженный Кай.

Ледяной королеве неподвластны лишь звуки мелодий,
Вы владеете ими... Никто так не может другой.
Но толпой обращается в пепел звучание ваших рапсодий,
Чтобы в снег их втоптала потом королева своєю ногой.

* * *

Калининграду и Совершеннейшим

Очарованный странник, ты стремишься в этот город,
Его роскошью улиц, кривизной их поражён.
Здесь прохожие урюмы и бродят, сутулясь,
Но сверканием их душ ты будешь окружён.

Здесь готические шпили, возносящие русалок,
Достают всем людям небо, помнят ветры всех морей.
И все женщины и вдовы в этом городе устали
От туманного безвременья серых дождей.

В этом городе солнце появляется так редко,
Засыпая очень быстро в паутине острых крыш,
Здесь привыкли под дождём убегать на чай к соседке...
Очарованный странник, ты несёшь с собой солнце, отчего о нём молчишь.

Очарованный странник, этот город так прекрасен,
Но он всё же недостоин всех прекраснейших, как ты.
Он всегда великолепен со своей тёмною водою,
Но мосты над ней для тебя разведены.

Радуга

Нежным ветра дуновением,
Лёгким касанием святости
Тронуть сердца забвение
И скатиться с крыши покатости.

Дождевою каплей по наклонной,
Жёлтым листиком по спирали
Опуститься, почти невесомой,
На пороге чарующей дали.

Или облаком дождевым, наполненным,
Вылиться на прокажённую землю,
Напоить её, омыть, закровленную,
Долгожданным дождём заветным.

Долгожданным или непрошенным,
Затопившим в болото округу,
Навсегда вдруг перебросившим
Через Землю мост друг для друга.

* * *

Расскажи, унылый мой попутчик:
Ты случаен, или ты — закон,
Что достался незнакомым, разным людям
Здесь один плацкарт, один вагон?

Знаешь ли, дорога очень длинная —
Много раз успеем обсудить,
Кто не прав из военначальников,
И кому не надо было из копытца пить.

Здесь, в вагоне, легче разговаривать
О вопросах вечных и простых...
Я — не поклонник мыслей вслух «за жизнь»,
В них слишком много плача или слов пустых.

Ну, если хочешь, расскажи свою историю,
Поведай мне про то, как ты живёшь.
Высказывайся, я не перебую твоих речей.
Хотя, признаюсь, мне не интересно, но хоть легче ты уснёшь.

* * *

М. Плетнёвой

Рука сейчас не тянется к тетради,
Бумага не спешит к карандашу
Какой-то отпечаток серой хмари
Сентябрьской, наверно, я ношу.

Ни глади осеннего белого солнца не надо,
Ни пауз с дыханием, сбившимся, в трубку
Смотри, как скопились на баррикады
Опавшие листья на дне переулка.

По лёгким аллеям с тяжёлым дыханьем
Встречаем знакомых из прожитой жизни.
Ты знаешь, ко мне снизошло понимание:
Я прошлый год лишь им строчила письма.

Сказки дядюшки Римуса

В старинной хижине дядюшки Римуса
Маленький мальчик выслушивал сказки,
И летним вечером с книжкой под мышкою
К маме домой он спешил без опаски.

Время продвинулось, стало серьёзное,
И этот же мальчик, изрядно повзрослев,
Так же спешит, но не к маме — время позднее,
Про друзей и сказки точно уж забыв.

Эй, братец Кролик, что грустишь, наблюдая,
Что ты так уныло уши опустил?
Эй, братец Лис, может, нас погоняешь?
Только старое прошу не теребить.

Мы, как этот мальчик, куда-то убегаем
И забываем верить в чудеса,
Всех друзей в долгий ящик отправляем
Или вовсе в костяные леса.

В записных же книжках чей-то номер новый
Нам гораздо ближе старых адресов,
Но однажды память в двери постучится,
И твой друг услышит звук знакомых голосов.

Эй, братец Кролик, доставай свою гитару,
Пару аккордов в дорогу прихватив!
Эй, братец Лис, не тратим время даром,
А с приветами по друзьям пошли!

* * *

Скрипач уходил на рассвете.
Чёрного неба двоились тени.
Пыльная роза и горечь в бокале.
А скрипка услышала: он не вернётся.

* * *

Всем Альтерам и Братьям

Случайно соприкоснувшись руками,
Мы вдоль воды теперь вдвоём бежали.
Мы называли все преграды «островками»,
Что нам даны, чтоб мы от бега отдыхали.

Грубили мы действительности в лица,
На её лодках к берегам хотя стремились.
И путь крылом указывала птица,
А мы так долго по волнам кружились.

Когда другого берега достигли,
Мы долго не решались признаваться
Друг другу в том, что мы тогда любили,
И приняли решение побрататься.

Делили воду и мешали кровь ладоней,
Смотрели вместе на огни заката,
Но, выучив все имена и роли,
Ты так во мне и не узнаешь брата.

Совершеннейшим

Твоя ограда — тело без изъянов,
Твоя опора — мокрая земля.
Быть главой империи или воем рьяным,
То, увы, зависит не от тебя.

Ты ж достоин большего, и видно по примете,
Что быть на пике предначертано судьбой.
Кем-то так замешано, да кем-то перетёрто,
Лишь одна ошибка: ты не властен над собой.

Из безвольной глины всех людей творили,
На воде изменчивой месили Боги нас.
И всех несовершенных на волю отпустили,
Ну, а идеальных не отпустят ни на час.

Так тебе пришлось пожертвовать свободой
Ради обладания силою Богов,
Формы идеальные, умения
Для тебя страшней теперь всех земных оков.

* * *

Солнечный луч на кирпичной стене,
В грязь опускаются листья жасмина,
Из праздничных окон музыка Брамса,
Девушка перечитывает Бродского
За зеркальными стёклами последнего трамвая.

Вечер в июле. Опять понедельник.
Крошится лето на плечи прохожих,
Непостоянная веры в ответы на письма
Здесь сочетается с всеми константами
Наших пролётных непостоянств.

* * *

Театр теней,
движение дней,
 сколько воска ни лей —
 пророчества нет.

Колёса дорог,
трубит где-то рог,
 мечтай, не мечтай —
 а охота несётся.

Над осенью — небо,
не хочется хлеба,
 и не возьму никак следа —
 прошу лишь пощады.

Охотник с добычей
на равных правах,
 а если иначе,
 то кто-то не прав,

И судей не сыщешь
в раздетых лесах,
 и будет бессудная бойня.

Короткий клинок,
разорванный бок,
 последний прыжок —
 и плач по убитому, воют.

В холодной воде,
в стакане на дне,
 из воска фигурка волка.

Охотник убит,
и свора визжит,
 и в панике окрестные сёла.

А дева дрожит,
и капля бежит
 по вмиг побелевшей щеке.

* * *

Тебе не увидеть моих лиц,
Мне не услышать твоих песен.
Сколько бы мы ни отрекались, любя,
Мир останется так же чудесен.

Сколько бы линий ни стало болью,
Сколько бы нот ни сплелось в тетрадках,
Ты так же будешь молчать о многом,
Я так же буду любить украдкой.

По этому небу, скользя в сновиденьях,
Танцую на грани под музыку ветра,
Мы стали искрой общих видений,
От мыслей мира укрыты рассветом.

Белые дни укутают светом,
Ночи с кошмарами путают сердце,
Если мы вместе уйдём в это лето,
Не суждено мне в нём отогреться.

Я буду громко скрывать свои чувства,
У вас в доме тихо, но что-то не спится.
Из ваших дверей не выплеснет буйство,
Что стало волной, а я над ней птицей.

* * *

Тёмная, тёмная, тёмная лестница,
Грязный, измученный вход.
Кто поднялся по этой лестнице,
Кто в эту дверь войдёт?

Кто молча повесит в прихожей
На крюк своё пальто
И не мигая, без света, без дрожи
Будет смотреть в окно?

Тихо по крыше мягкие чьи-то шаги.
Тихо, мой маленький брат,
Тихо. Мы с тобой не враги.

Кто этот кто-то, кто долго ждал здесь тебя,
Забывая про пищу, про воду,
Забывая порой про себя.

Время осады и ночи,
И здесь не включали свет.
Больно ждать в одиночестве
В течение нескольких лет.

Ты не вернёшься, так подсказало чутьё.
Где-то согреет тепло, чьё-то, но не её.

Там загорались болота где-то в районе утра,
Кто-то грелся в пожарах, кто-то погиб вчера.

Кому-то ещё суждено убежать,
Кому-то, только не мне.

Тихо, мой маленький брат,
Слышишь, скрипят сапоги.
Тихо, пришёл мой черёд...
Если можешь, беги.

И сохрани запах тёплого хлеба
И февральского неба платок...

Чтоб закрыть мне глаза.

Точи, точи камень, вода,
Изменяя его и себя, изменяя,
Себе путь создавая.
Точи, точи...
Ключи, ключи студёные горчат,
Ключи на поясе звенят,
Из тёмной комнаты — змея
Шипит и требует огня.
Как масла подливать в огонь,
Так ты змею в огне не тронь!
Змеиной кожи крепче нет —
Вот колдовству всему ответ.
Ведунья старая, хрипя,
Пусть кожу вынет из огня,
Сошьёт тебе с неё венец,
И пару выточит колец
Из змеей рёберной кости.
Ты их носи и не проси
От ведьмы большего ученья.

Точи, точи нож, одинокий романтик,
Оружие себе готовь,
Готовь пролить чужую кровь...
Готовь свой нож, себя готовь...

Точи, точи зуб, Чернокосый на Солнечного,
Точи, точи...
Копишь в себе злость,
Гложет собака кость,
Выточись каменный меч,
Ляжешь космами с плеч,
Скинешь навесы дорог,
Зарево видишь тревог,
Трепет мудрой жены:
«Пойми, кем-то дни сожжены».

Точи, затачивай клыки,
Смотри не встретить на полпути
К врагу ночного путника
С ножом романтика-отступника.

Холодно

После 1 сентября 2004 всё немного изменилось

Мне даже уже не больно, мне просто холодно.
Брожу, как чужая в своей тесной комнате.
Среди чёрствых бумаг разлитое олово
Застывает, похоже на лёд, как зимою

На озере. Чертят коньками, резали, черти
Наивные, черты глубокие, резкие. Дети,
Пропавшие в сумерках, рассмеялись в окно,
И исчезли, ворохом листьев опавших швырнули.

Дети, игравшие жизнью со смертью,
Ангелы тихие, ветру на слово не верьте!
Мимо промчался, игрушки из рук вырывая.
Дети, куда вы летите? Ангелы, звёзды...

«Номер один», школа, выстрелы вдалеке,
Тонкая ниточка краскою красною по щеке.
Тянется ниточка, предупредительно. Будто бы
Наши предусмотрительны были. Былью

Становятся выдумки, старые байки правдою.
Правды не достаёт, из карманов, а жаждою
Мучает время, закручиваясь назад, под завал.
Окончание времени рассыпается пеплом над

Городскими трамваями в трауре, позолоченном.
«Приняты меры...» — а окна-то заколочены,
Не увидеть просчётов, не заметить наклеенных
Лиц, к лицам масок приросших и не вычислить

Цену, плаченную плачем и криками за ошибки,
Неоправданно необоснованные, дикие...
Обесценились ценности, признанные
Уместились все вместе в денежку, в сотенку...

Обесценились жизни базарною площадью,
О, бескрылые ангелы! Жизни подольше вам,
Чем крылатым ровесникам вашим досталось...
Лица застывшие, горы, горе... Оттого мне и холодно...

Холодно...

* * *

Я больше не верю вашему богу,
Боюсь, вы и сами ему не верны.
Вот вы — в жалких норах, а Бог ваш в чертогах,
Которых вы сами из золота ему возвели.

Ещё в кабинетах, где кожа и бронза,
Встречала я вашего «Бога» не раз,
И чудилось мне, что не очень-то к месту
С ним рядом жирок чьих-то узеньких глаз.

Я знаю, не подвиг иконы сжигать и над храмом глумиться,
Ища оправданье бессилию воле стихий,
Но, если надумаю в стенах кому-то молиться,
То точно не вашему «богу», а Вере и Силе МОИМ.

* * *

Я знаю: ты ничем мне не обязан,
Я рада — ведь и я тебе — ничем.
Мне лишь светло от всех твоих рассказов
По телефону, вечером, часов так в семь.

Мне нравится, что между нами есть
Каких-нибудь шесть с лишним километров,
Что все мои слова не примешь ты за лесть,

И что свободен ты, как птица, что по ветру не летит

...А выбирает путь иной по небу

Я счастлива, что иногда могу тебя встречать,
В приветствии случайного касания щеки твоей —
Достаточно на месяц впечатлений, чтоб заново переживать
И помнить всё от первого прикосновения и до прощанья.

* * *

Я не Ваша Прекрасная Дама.
Я чужая кривая судьбы.
Я иллюзия сыгранной драмы,
Растворение бывшего «мы».

* * *

Я ни разу не видела горы,
Но любить их заочно сумела,
Там, в горах, нет полётам предела,
Нет ни шума, ни лишней опоры.

Я ни разу не слышала моря,
Полюбила его по рассказам,
В море тонут ненужные фразы,
Утопить можно в нём своё горе.

Я не ведала привкуса крови,
Но узнала о нём от созвездий,
Тех, что в самом начале болезни
Над моею плыли головою.

Те же точно висели и ночью
Над загадочно бархатным морем,
Так же горы, разверстые боем,
Их встречали, и жаждали точно

Так их снижения к граням гранитным,
Как я, в полночь звезды ожидая,
Нервный взгляд в темноту упирала,
Откровенье нежданно встречала
У окна, что забыли открытым.

* * *

О. Я.

Ты знаешь обо мне едва ли меньше, чем моя тень...

Я хочу светить тебе ярко, быть ближе, чем эта Луна.

Хочу быть холодной и бледной...

Но ты, ты вечно права:

Я слишком боюсь изменяться, боюсь изменить и тебе.

Прости, но придётся остаться при ЭТОЙ холодной Луне.

Жуко Ксенія

Слёзы вампира

Я же говорил тебе, что ты вампир... А ты смеялся надо мной, говорил, что у меня крыша съезжает с катушек. А я оказался прав — ведь только вампиры плачут кровавыми слезами.

По твоей бледной щеке медленно скользит тонкая красная струйка. Вот она достигла скулы, и одинокая капелька срывается вниз, падая на твою шею. Ты не двигаешься. Я не смотрю тебе в глаза... Боюсь? Наверное, да... Меня охватило какое-то странное, прежде не знакомое мне чувство... Кажется, кто-то называет это ревностью...

Я всегда был пофигистом, в отличие от тебя — весёлого, непроходимого оптимиста, который даже на кладбище вместо крестов видит плюсы. Две противоположности. Казалось бы, как они уживаются рядом друг с другом, сидя за одной партой? Но мы назло всем стали лучшими друзьями... такие случаи редки — дружба со школьной скамьи, что не угасает со временем (дружба, а не скамья). Мы частенько ругались, иногда даже дрались до крови и последующей лёжки в больнице, но всё равно оставались неразлучны. Теперь мы стали старше, но ругаться не перестали. Пару минут назад была очередная ссора. Из-за чего? Ты не должен был так смотреть на Светлану! Молчишь? Нечего сказать?! Или просто болевой шок настолько силён, что говорить не можешь? Ну и молчи... а я всё так же не буду смотреть тебе в глаза. Лучше вообще не буду на твоём лице сосредотачивать внимание. И так знаю, что по нему текут кровавые слёзы, обрываясь и оставляя след на рубашке... Ты всё так же неподвижно полулежишь в кресле. И молчишь. Ну почему ты молчишь, вампир?! Вскакиваю с дивана, нервно прохожусь по комнате, пинаю какой-то пуфик. Всё ещё не глядя в твоё лицо, подхожу к креслу, на котором ты сидишь в раскованной позе. Беру твою руку... холодная. Конечно... другого я и не ждал. Разворачиваюсь и ухожу, не попрощавшись.

*

Сухо щёлкнул замок входной двери. Взъерошенный молодой человек быстро спускается по ступенькам, выходит из подъезда. Сзади хлопает дверь, а неподалёку, рядом с мотоциклом, парня ждёт его девушка Светлана. А в квартире, всё так же неподвижно, сидел другой парень. Кровь текла из его глазницы, пронзённой обычным кухонным ножом. Слёзы вампира, или же просто жизнь покидает молодого человека?

Верканина

* * *

Не стоит грустить о распахнутых душах,
Куда ворвались вихри встреч и разлук —
И это пройдёт, мир любви не нарушив,
Лишь станет сильнее божественный круг.

Рассыпаны жизнью жемчужинки знаний,
И бусы судьбы так непросто собрать,
Незримые нити земных испытаний
То с грустью растают, то вспыхнут опять...

На очи бездонных, цветных сновидений
Наброшена таинств густая вуаль...
А эхом внутри — самопроникновенье
И зеркало бездны, зовущее вдаль...

Не стоит грустить о распахнутых душах,
Куда ворвались вихри встреч и разлук —
И это пройдёт, мир любви не нарушив,
Лишь станет сильнее божественный круг.

* * *

Я осени дожди
наполню грустью,
Раздумьем напою
деревья и цветы...
Как знать, что впереди?
Ведь, жизнь лишь устье
Любовных снов реки —
и это знаешь ты —
Принцесса Пустоты...

Заплачут небеса,
роняя звёзды,
И души улетят
в свой бесконечный Путь...
Упавший с высоты
в долину грёз, Дух
Вновь обретёт покой,
увидев жизни суть.
Судьбу не обмануть...

Burton

Вы

потоком сознания меркнувших глаз
заполнили реки меча не боясь
весёлым портвейном залили умы
не зарекайтесь сумы и тюрьмы

человек — источник бед
съел другого на обед
закусил подругой
и пошло по кругу

сумасшествия кольцо
ты держись-ка бодрцом
запивай кровью
и гордись юдолью

неоязычеством тёмных гримас
взрастили юнцов как сорняк среди нас
ведомые болью тоскливой души
пытаются кончить с собою в глуши

так пойдём со мною в лес
будет тешить тебя бес
за варенья банку
ты услышишь байку

про огонь и Прометея
Сварога и хитра змея
и лавровый как венец
нахлобучить на конец

сволочи падлы ублюдки и гниды
твари козлы и говна пирамиды
всю разорили вы матушку Русь
только вправлять вам мозги не берусь

Дом, который построил Я

забился кровавый восход на Стене
между прошлым и будущим. эхо во Мне
отозвалось в глумливой и страшной Войне
перекрестьями колотых ран и Ремней...

выхолащивал душу тоскливый Январь,
я умом повредился, и в тёмную Даль,
улетает мой голос, похожий на Рвань
в неземные чертоги. я сволочь и Дрянь

потому, что не вижу открытым Окно
на лазоревый вид, и теперь всё Равно,
покидать или ждать полутёмным Умом
развевающий стяг, как больное Ребро,

как палящий асфальт пожирает Себя,
не жалея меня, — так, конечно, Нельзя:
ведь не стоит кричать у разбитого «Я»,
на которое часто вползает Змея,

которая часто пугает Синицу,
которая часто ворует Пшеницу,
которая в тёмном чулане Хранится
в доме, который построил Я.

К.К.К.

клар у карла украла кораллы
карл у клары украл красоту
всё чем гордилась корявая клара
кровавым комком укатилось в пизду

кораллы лежали как жалкая лажа
и клара лежала и лапала смерть
рука всё сжимала как чёрная сажа
и карл пожелал точно так умереть

красиво подохнуть в дождливое утро
дождаться свободы бодая себя
украла кораллы у карла минута
секунда украла у клары тебя

кларнет и кораллы
упрямая клара
искала всю жизнь
а нашла только карла

багряным крылом
катафалка рыдала
кораллы казались
красивым подарком

Любовь с первого взгляда

рос я листиком табачным
на далёкой на земле
не пахал и не рыбачил
никотин сидел во мне

и сорвали измельчили
искалечили меня
и в сушилке засушили
среди прочих оных трав

в папиросную бумагу
запахнули с головой
превратился я в бродягу
покидаю дом родной

самолёт унёс как ветер
через тёмный океан
я почувствовал вдруг землю
и подумал — я пропал

долго я лежал на складе
предавался думам я
но однажды всё ж забрали
и продали всё ж меня

и очнулся я не вскоре:
высыпали на столе
зелень листиков и вроде
не видал таких нигде

с нею мы переглянулись
и забыли обо всём
только мы совокупнулись
но запахло вдруг огнём

хоть сторели в косяке мы
но родился всё ж сынок
нашей нежностью обвитый
сизый ласковый дымок

Осиновый кол

весь покусанный сволочью типа вас
я иду по осколкам каких-то трасс
забинтованной правой рукой держу
я осиновый кол и на вас гляжу

знаю знаю о том что вы дети зла
променяли любовь на любовь козла
и за милой улыбкой таится зверь
выбивающий вашего разума дверь

вы смотрящие вдаль вы полны огня
вампиреньши вы разбудили меня
своим хохотом мерзким и странной игрой
про работу учёбу и встречу с тобой

я сорву ваши маски я стану бить
по бесстыжим глазам пожелавшим убить
вас так много а я в поле воин один
но я справлюсь и ярче запылает камин

я сожму молоток я закрою глаза
и осиновый кол станет словно гроза
брызнет кровь на лицо стану я подлецом
но зато станет меньше вампиров кольцо

Памяти павших

Подожди, постой — я рядом.
Я увидел, я познал:

Капли падали устало
Над войсками не назло...

Усталый кто-то подарил
Игрушку псу;

Он с ней уснул,
Он стал как я!

Соскребая путеводную звезду
Вдоль по краю ослепительного дна.

Языки костра умело всё поймут,
В чём тут дело...

Но вроде всё как всегда —
То же небо пропавших без времени юных,

Те же трупы и слёзы, и кровь на тропе,
Только ты не вернулся из боя...

Стать быстрее

Двигатель — сила мысли
Педадь — чтобы стать быстрее
И лобовое стекло, чтобы скрыть глаза

Шорохи словно ветра
Близко — Не прикоснуться...
И ключевое слово «свистящий мол»

Стать машиной...
Мне хочется стать машиной...
Мне нужно догнать тебя, и, пожалуй, я знаю, как...

Тёмными тропами

вот день уж прошёл
месяц взошёл
стелешь мягкую постель
запах тумана снова дует нам в дверь
а ты стоишь у окна
ты не одна
белым отблеском заката
тёмными тропами мы идём куда-то

факела свет
нас с тобой нет
на ночной поляне
дух травы ласковый по лесу гуляет
а мы летим над землёй
тёмной водой
дорог не разбирая
сквозь тоску смерти огня прямо к двери рая

но нету силы в руках
падает страх
мы теряем друг друга
волчьими нотами завывает вьюга
и ты просишь меня
слёзы тая
искать дорогу иную
но всегда я хотел именно такую

ведь нет пути без труда
жизни без зла
расставлены преграды
лишь затем чтоб никто не просил награды
вдруг чья-то сила во мне
тянет наверх
радуясь я понял
молишься Богу — и не один ты в поле

Упала звезда

услышать себя нелегко
в том правда великой стены
разрушить смертельное «мы»
мешает паскудное «но»

гниёт но недохнет наказ
быть правильным сыном добра
хранить теплоту у костра
завет превратился в приказ

молчание — признак ума
свидетельство «правильных» грёз
томленье души у берёз
украсивших наши дома

спокойно! здесь мастер огня
способного всё погубить
способного всё полюбить
любовью стального козла

для наших ли душ тишина?
нас спросит душевнобольной
уехать дорогой любой
ты сможешь проснувшись от сна

в колодец упала звезда
мерцает и бьётся она
чтобы выпить колодец до дна
в колодец упала звезда

Часто слышу

В абсолютной тишине
Протекает жизнь во мне
Оставляя за собой
След над тёмною водой
Часто слышу незнакомый голос
О чём-то большем
Не остаться насовсем
В собачьих грёзах
Так не будем о своём
Необъятном, но живом
Только падают тела
На раскрытые ладони Бога

Червь

послушай друг грызущий кость
мне много видеть довелось
и нету смысла в жизни той
что проживается тобой

торопишься взрослее стать
скорее душу разменять
и получить лишь черепки
потом рыдая у реки

мозг твой
весь гной
залил абсолютно
ты червь
и нерв
умирал прилюдно

в тесной комнате моей
там где ты встречал гостей

суровым утром января
я понял то что мы живя
не замечаем что вокруг
раздался предпоследний звук

и в тишине звенят слова
о том что кончилась война
и ты остался насовсем
один средь возведённых стен

глаз твой
бельмо
правды нет и в сердце
ты грязь
вылазь
из больного кресла

что стояло на виду
и накликало беду

Приговор

Мы живём... Мы не понимаем, для чего это нужно... мы устали размышлять над этим... мы не нашли ответа... даже через столько лет... и мы тыкаемся друг в друга различными частями тела в надежде, что наши дети найдут всё-таки ответ... но они тоже его не находят... вот уже много лет... и мы не знаем, что нам дальше делать, как нам быть... как планету нам делить... хотя как планету делить — уже нашлись ушлые deads... Им мало, и им нужно... И я бы поступил, впрочем, так же... Будь у меня столько же возможностей... Time will tell...

Но, несмотря на это, мы всё-таки не находим ответа... а между тем, близок уже и мой конец... я, как один из миллиардов людей, тоже задам этот вопрос и умру, как рядовой N под Сталинградом... не дождавшись 9 мая...

Поэтому я буду строить гипотезы... я буду жить по теории, которую сам создам... я не буду сдаваться... так и только так...

И начну я с того, что всех нас ждёт, скорее всего, приговор... не страшный суд, имеющий место в представлениях многих людей... а что-то концептуально другое... И этот приговор будут выносить сами люди... и не только... кто не сможет этого сделать — приговор будут выносить те, кто знает, о чём идёт речь... даже если этот человек будет один...

*II, крадучись, не успеешь разглядеть в тумане ночи
Красным заревом блеснувший нож высокой гильотины.
Чтоб познал ты осторожность, выбор, смену дня и ночи
II обугленным остовом разлагался.*

*Только сумрак и печали ждут тебя, и ранним утром
Ты раскроешь веки, гноем перемазанные кем-то...
Кем-то брошенная кукла из окна чужой квартиры
Обрекает нас на гибель, обрекает нас на смерть.*

*Славно быть в пустой квартире в маске царственного зверя,
Прыгать и на стенах кровью расписаться в приговоре,
А завтра в день ненастный, чёрной скатертью покрыта,
Плаха встретит, словно друга — словно мы давно расстались...*

Вид Астер

Воин Армагеддона

Рождённый на полях Армагеддона,
Я научился проходить сквозь пламя.
И, меч держа обеими руками,
Сражался за величие Закона.
Рождённый на полях Армагеддона...

В конце сраженья света не встречаю.
Нет правды на Земле, нет в небе Рая,
А на руках кровь запеклась чужая.
Я буду проклят. И — я это знаю!
Рождённый на полях Армагеддона...

Рождённый на полях Армагеддона,
Науку войн я постигал в той битве.
Моих врагов бессильные молитвы
Смешались с мерным колокольным звоном.
Рождённый на полях Армагеддона...

В конце тоннеля света не встречаю.
Нет правды на Земле, нет в небе Рая,
А на руках кровь запеклась чужая.
Я буду проклят. И — я это знаю!
Рождённый на полях Армагеддона...

Рождённый на полях Армагеддона,
Я понял эту истину простую:
Моя страна обречена. Впустую
Погибнем мы, но будет жить Земля!
Рождённый на полях Армагеддона...

В конце сраженья света не встречаю.
Нет правды на Земле, нет в небе Рая,
А на руках кровь запеклась чужая.
Я буду проклят. И — я это знаю!
Рождённый на полях Армагеддона...

* * *

На кон жизнь! Разменного монетой
Время покатило за порог.
Сколько есть идей, и в мире этом
Тысячи нехоженных дорог...

И поймёшь тогда, отринув страх,
Жизни пруд так безнадёжно мелок.
Скупое отразится в небесах
Птичий клин летающих тарелок...

Перекрёсток

Перекрёсток дорог, поседевший, пустынный и древний,
Сквозь расколотый тракт прорастает забвенья трава...
Проходили века, исчезали миры во Вселенной,
Ну, а здесь — ни времён, ни наречий, лишь Вечность извечно права.

Перекрёсток надежд среди древних руин Мироздания.
Тишину не встревожит усталого стона мольба...
У пришедших сюда исполнялись любые желанья.
И на чёрных колоннах Пространства сияли заветных слова.

Светит Ночи Звезда, взгляд её обжигающе ярок.
Перекрёсток планет на затерянном млечном Пути...
Предлагают тебе бескорыстный и страшный подарок.
Отказаться нельзя, и с дороги, увы, не сойти.

Все пройдут этот путь: человек и бессмысленный атом.
Вязкий сумрак небес. Обжигающий холод в груди...
Чей-то ловкий зрачок проследит сквозь прицел автомата
На скрещенье дорог перекрестье забытой судьбы.

* * *

Свою судьбу я знаю наперёд:
Паденье, взлёт и новое паденье.
Земных забот давно оплачен счёт,
И надо мной не властно провиденье.

Свою судьбу я выбираю сам:
Она трудна, печальна и опасна.
Бросая дерзкий вызов небесам,
С божественным веленьем не согласный,

Свою судьбу, как ставку на кону,
Вновь разыграю в бешеной рулетке.
И, проиграв, во мраке утону,
Уйдя из мира этого навеки.

*

Но скажет друг, единственный, бесценный,
В Ад спускаясь и во тьме смеясь:
«Vexilla regis prodeunt Inferni».
Начнём сначала. Подымайся, Князь...

Созвездие Меча

С дороги этой не свернуть,
Надежда горяча.
И освещает жизни путь
Созвездие Меча.

О прошлом ты не говори,
Погасла та свеча!
Сияет мне в ночной дали
Созвездие Меча.

Пройду сквозь горы лжи и тьму,
И Океан крови
Переплыву, чтоб отдохнуть
На берегу Любви...

Чернокнижник

*И пел прекрасный чародей:
Пойдём со мною на высоты,
Где кроют мраморные гроты
Огнем увенчанных людей.*
Н Гумилёв

Как каторжник, прикованный к ядру,
Веслом вращая на галере жизни,
Подумал я: Возьму и на яру
Построю дом. Заправский чернокнижник,

В нём разожгу огонь и подожду.
Вдруг кто придёт? И, сам себе не веря,
Услышав стук, открою настежь двери.
Мой гость ночной, продрогнув на ветру,

Присядет, согреваясь у камина,
Речь заведёт о дальних городах,
О синих птицах, изумрудных скалах,
Приятна речь. Душа моя устала

Внимать лишь ветру, слушать тишину
И звёзды принимать за сновиденья...
Хотел бы я сказать: «Продлись, мгновенье!»
Но меркнет взор, секунду удержать

Не в силах жизнь, и сердце онемело.
Тогда оставь без сожаленья тело
И — в путь, через порог,
К иной звезде!

И мертвецы устают...

Триллер

Когда Лысый Лейзер отгрыз Фрицу Хофману ухо, я поначалу решил, что это рядовой случай антинацизма. Но я ошибался...

Я в этом аду — полицейский инспектор, и участочек, прямо скажу, достался мне не из лучших: у нас, на девятом уровне, подобрался всяческий сброд — оборотни, вампиры, зомби, упыри и прочая нечисть, так что без дела скучать не приходится.

Так вот, прямо с утра, я ещё глаза не продрал как следует, вваливается ко мне в кабинет Фриц Хофман. И Лысого Лейзера за шкирку волочит. В другой руке у него ухо.

— Вот, — говорит, — откусил этот сукин сын!

— Ну и разбирайся с ним сам, — говорю, — ты у нас зомби вон какой здоровенный. Как Шварценеггер!

А Лысый Лейзер молчит, солнечные зайчики своей костяной черепушкой по всему кабинету пускает. Если врежет ему Фриц кулаком, от него только гряда костей и останется.

— Ордунг юбер алле! — взвизгнул этот помешанный на порядке нацист. — Зачем у нас тогда полиция в Аду?!

Зачем? А я и сам бы хотел это знать. Ещё день назад я бы, долго не церемонясь, вышиб и Фрица, и Лейзера из полицейского участка пинками, но... Вчера шеф устроил мне нагоняй, мол, не делаю ничего, потворствую «райским мальчикам»...

— Есть сведения, что ты у них на содержании, — мрачно подытожил шеф.

Что ж, я и не отрицаю. Взятки брал, беру и брать буду, оттого и застрял на девятом уровне, а ведь мог бы и на втором... Но отвечать что-то нужно, потому я шефу и говорю:

— Преследование есть наилучшее средство укрепить нежелательные убеждения...

Тут шеф мой аж пятнами пошёл, перекосясь и захрипел:

— Красный... красный... Да я тебя в Рай упеку!

Нервный у меня шеф. Звать — Маккарти. В бытность свою на Земле он был ярым борцом с коммунизмом, потому и труды всех классиков этого учения назубок знает. Эх, я не учёл...

Кстати, ни одного из трёх основоположников у нас в аду нет — ни на первом, на втором, ни тем более на девятом уровне. Говорят, они к нам поступали, но тогдашний Владыка Ада, быстренько смекнув, что к чему, спроводил их в Рай, приплатив райской страже изрядно. Но это я так, просто к слову пришлось... Стоит Фриц, с ноги на ногу переминается, справедливости жаждет. Ну, он её таки дождётся! С Лейзера взятки гладки. Были, правда, у него акции серебряных рудников, но началась конверсия, рудники прикрыли, и Лейзер остался на бобах. Ладно, есть у него ещё и кондиционер. Фрица это устроит... И потащились мы к лейзерову дому. Пешком, служебный автомобиль который уж день в адской мастерской ремонтируют. Не торопятся, чер-

ти! Было что-то уж слишком жарко, даже для Ада. Ветер нёс по улице жёлтую пыль, воняло серой.

— Инспектор, загляните на кружечку пива, — окликнула меня мамаша Фураж, содержательница игорного притона.

Сегодня она натянула на свои необъятные телеса мини-бикини и припудрила бородавку на носу. Меня всегда мучило от её вида, но не от её пива. Глоток холодного пива в Аду — что может быть лучше?! С тех пор, как Владыка перестал поставлять в Рай топливо за неплату долгов, в Аду стало ещё жарче, и акции угольных компаний упали на два пункта. Чёрт меня побери, если на следующих президентских выборах я вновь проголосую за Вельзевула! А многочисленные туристы из Рая, прежде прямым ходом бежавшие в наши супермаркеты, теперь спешат к адским котлам, греются...

У дома Лейзера всюду хороводились расфранчённые упырихи. Эге, подумал я, дело явно нечисто, обычно они Лейзера за версту обходили. Стало быть, есть пожива. Вошли мы в дом, а там даже кондиционера нет!!! Я прочно уселся на обшарпанный колченогий табурет и прямо спросил:

— Где кондиционер? Ты пропил его, сукин ты сын! Да я тебя к Аморальным Алкоголикам сплаваю! Они из тебя живо кровушку высосут.

Он заскулил и заныл, дескать, что с него взять, кроме анализов, а за откушенное ухо готов прощения попросить. У Фрица физиономия вытянулась аж до колен, нужны ему извинения, как рыбке зонтик, ему компенсацию подавай! Я огляделся. В комнате и впрямь ничего стоящего не было, за исключением чёрной дыры в углу. Ну, эти штучки с восьмым измерением мне хорошо известны.

— Доставай свою заначку! — рявкнул я.

Лейзер послушаться не посмел, сунул в дыру и достал чемоданчик.

— Что там? Героин, марихуана, опиум для народа?

— Райские я-а-а-блочки, — проблеял этот козёл.

Ох, сплаваю же я его к Аморальным Алкоголикам! У нас в Аду есть всё, что грешной душе угодно, ананасы, бананы, манго, а вот яблоки не растут, уже пробовали. Хотя, казалось бы, ну что может быть хорошего в этих кислых, незрелых плодах, набивших оскомину не одному поколению людей? А с Лейзером тоже всё ясно. Через восьмое измерение проник нелегально в Рай, нарвал там яблочек и теперь самогон из них гонит, перешил, о законах забыл, — потому-то и ухо Фрицу оттяпал.

Вернулись в участок, стал я добычу делить: треть мне, треть Фрицу, ну и Лейзеру тоже треть, как-никак, он старался... И Владыке установленную законом десятину упаковал аккуратно, по пневмопочте отправил. Уже через 13 минут посылочка мне обратно вернулась, с личной припиской Владыки: «Ешь ты их сам!» Воля Владыки — закон! Кинул я одно яблоко Фрицу, два других себе взял.

— Эй, а мне? — спросил тут с обидою Лейзер. — Это несправедливо!

— Справедливость у нас, на девятом уровне?! Ха-ха.

И тогда он принялся скандалить, кричал, что он по натуре вампир, что он двести лет воздерживался и вообще — диссидент.

— Почему меня не пускают в Рай?!

— Так может тебя уже сразу в Израиль отправить? — спросил я его, дал в зубы и упёк на 12 суток, за хулиганство. А в картотеке пометку сделал. К Алкоголикам его, к Алкоголикам!

Только с этим делом управился, звонит ведьма Джессика. У ворот её школы «райские мальчики» собрались. Все в белых балахонах, с нимбами, крылышками позолоченными. Псалмы распевают.

— Сделайте что-нибудь! — визжит в истерике директриса. — У нас же тут дети...

Да, дети... встречался я с её детишками-шалунишками. Дай им в руки велосипедные цепи, и куда б только нимбы и крылышки полетели! «Райские мальчики» платят мне за невмешательство в их дела и ещё платить будут, но псалмы — это уж слишком!

Послал я туда наряд чертей-полицейских. Посидят эти мальчики месяца два в каталажке, так им и Ад Раем покажется.

Но только собрался я отдохнуть и позавтракать, как приплёлся старик Фауст с жалобой на чертей. Они которую ночь ему спать не давали, устраивая оргии под окном. И, в глубине души уважая старика, я лично поспешил разобраться, не обращая внимания на жару Преисподней.

Ох, тяжела ты, должность полицейского инспектора в Аду!